

ЗРЕЛОСТЬ И „ИЗНАЧАЛЬНЫЕ ИСТИНЫ“

Камертоны употребляют как источники звуков и чистых тонов, как измерители промежутков времени...

(Политехнический словарь).

**Не оскверняй родной язык
Хулой земле и небесам.
Ведь мир и мелок, и велик
Лишь от того, каков ты сам.**

Итак, почти афоризм. Ну что ж, поразмышляем, посмотрим, — а каким видится мир автору этих строк поэту Леониду Андрееву, взятых из его новой книги стихотворений «Камертон»¹.

«Камертон», по существу, первая книга Леонида Андреева. Была до этого книжечка в кассете начинающих поэтов — «Смещение плоскостей» — и книжка для детей — «Веселый рынок». И сразу скажем, что уже за этими двумя тоненькими, стихотворений на десять, книжками выдилось серьезное поэтическое дарование. «Камертон» же — книга довольно объемистая и, пожалуй, этапная.

Ныне часто мы бываем свидетелями того, как молодые поэты, едва «проклюнувшись», начинают ужасно торопиться — хочется поскорее на люди выйти, книжку выпустить хочется, чтобы — вот она, твоя (черным по белому так и пропечатано на суперобложке!), так чудно краской типографской попахивает... Приятно! Да и сердобольные няни из Союза писателей хлопчут, насаждают на издательство: все боится, как бы поэт — красна девица — в девках не засиделся, не засох на корню. Бывает и такое.

А вот Леонид Андреев выдержал испытание временем, хотя и долго ждал своего

часа, вернее, не торопился выходить к читателю. Прочитанная книга «Камертон» открывает нам «секрет» творческого упрямства, «живучести» Леонида Андреева: она убеждает нас в том, что автор ее поэт истинный, что поэзия — это его жизненное пространство, без которого он не может существовать. С книгой Л. Андреева можно спорить, не в этом суть. Суть в том, что с ней хочется спорить, что она не оставляет нас равнодушными, а это уже признак истинной поэзии.

Рецензент «Литературной газеты» поэт Илья Фоняков уже сказал о «Камертоне» очень хорошие слова, — и справедливо! — выразив свое отношение к книге в заголовке — «Культура мысли, чувства, слова» («Литературная газета» № 35, 25.VIII.71 г.).

«Камертон» — книга лирики, как и означено на ее титуле. Сам поэт — лирический герой этой книги, все пропущено через его трепетное сердце, все — плоть от плоти, кровь от крови — плод его переживаний, его мироощущений. Это книга лирики пейзажной и философской во взаимопроникновении, потому что лирический герой ее живет, радуясь и мучаясь, в атмосфере сложных проблем человеческого бытия. Особенности его взаимосвязей с природой, главным образом, обуславливаются поэтический конфликт.

Я светло и надежно

Слит с землею моею...

Ничто не отделимо от меня.

**Все то, что совершается в природе,
В мое сознание тотчас переходит...**

Такие заверения весьма характерны для музыки Л. Андреева. И в этом — один из признаков «традиционности» творчества молодого поэта. Если уж разговор пошел о традициях, то следует заметить, что Андреев стремится вобрать, и во многом это ему удается, лучшие качества русского стиха — мыслит он глубоко, простоно, говорит ясно и немногословно (за редким исключением), стих фонетически подвижен, музыкален. Если поэт ценюй долгого поиска приходит к мысли, что «есть в каждом слове некое пространство», то это что-нибудь да значит.

В основе пейзажно-философских стихотворений Л. Андреева не мимолетные чувственные контакты с природой, а постоянное ощущение кровной слитности с нею. И конфликт возникает, зачастую, в результате нарушения этой слитности, гармонии, на которую чутко реагирует душа поэта:

¹ Леонид Андреев. Камертон. Хабаровское книжное издательство (Благовещенск), 1971. 127 стр. Тираж 3000 экз. Цена 34 коп.

И, видя эти чудеса,
Ужель душа не виновата
В том, что остыли небеса
И лес притих перед закатом?
(«Перед закатом»)

Кто-то говорил об Ахматовой, что для творчества поэтессы, особенно для раннего периода ее творчества, характерна тема уязвленной совести, возникающая при соприкосновении напряженного поэтического чувства с пейзажем. В какой-то степени это можно отнести и к творчеству Л. Андреева (снова традиция!). Ведь не случайно в пейзажных стихотворениях так часто возникает образ плачущей птицы:

Им светит глубина озер...
Так почему же птицы плачут?
У них все небо, весь простор
И два крыла еще в придачу.
(«Лебеди»)

И чайки стонут, чайки стонут,
Как руки, крылья заломив.
(«Камчатка»)

И словно на небе открыл
Знакомую страницу,
Где шорох трав, и шелест крыл,
И плачущие птицы.

Последнее четверостишие можно было бы поставить эпиграфом к лирическим стихам Л. Андреева, ибо плачущий крик «стануны журавлей» — тот камертон, на который настроена лирика поэта. В общем-то, нет ничего в этом преисудительного: страдальческая нота всегда звучала в партитуре русской поэзии. Но поскольку лирика Л. Андреева в какой-то степени продолжает традиционную тему «уязвленной совести», то не лишне сказать, что справедливо в советской критике выдвигался принцип опосредствования «праведности», «совести», гражданской общественной позицией поэта, высокой общественной целью. В противном случае поэзия утрачивает свое гражданское значение и стихи становятся анемичными, социально обесцвеченными,

Эпитет «анемичный», как ни печально, а имеет отношение к некоторым стихотворениям Л. Андреева...

Ты щедрым должен быть всегда. И пусть
Тебя порой страшит избыток сил. (?)
Ты связан со вселенной — даже пульс
Влияет на движение светил.

Может быть, сказано слишком «сильно», с нажимом, как бывает в полемическом задоре, но такое утверждение в принципе понять и принять можно. И названо стихотворение очень ответственно — «Ответственность». Но в этой глобальной поэтической метафоре открывается нам и слабость поэта Л. Андреева. Заключается она, на наш взгляд, в том, что на философских стихотворениях его ощущается налет этого «высокого созерцания», взгляд его ча-

сто, скользнув мимоходом над реалиями жизни, уходит во глубину мироздания, во вселенную. Это прекрасно, что поэт не боится больших пространств, но приходится говорить о степени гражданского возмужания поэта.

Гражданский цикл книги, как это определено в предисловии, написанном поэтом Л. Завальнюком, открывается стихотворением «Поэт»: «И избытк выдела простые, Погосты, роши и поля. Все это ты — моя Россия, Издревле трудная земля». Таков образ Родины. А вот и другое — «Родина»: «Край неба погрузив на плечи, Иду — беспечный человек. Губами пыль земли жую И песню хриплую пою. Отныне все, что ни проси я, — Все это ты, моя Россия! К тебе иду, сбивая ноги, На длинном поводу дороги». Нет нужды доказывать, что подобный образ Родины покрыт архаической пылью, что нелеп в наше время образ поэта-юродивого. Так зачастую, с освоением традиций поэзии, переносится в советскую поэзию и образ матери-Родины — страдотерпицы, извечной страдальницы в ее первозданном виде из поэзии дореволюционной. Ведь правы те, кто говорит, что, только осознание своей кровной связи с народом и отсюда — своего гражданского долга помогло крупнейшим поэтам нашего времени — Блоку, Пастернаку, Ахматовой — подняться до вершин поэзии. Таковы «книзначальные истинны», говоря словами Л. Андреева. И ныне пародийно звучат заклинания типа: «О родина моя, помчи меня!» (И просто пародия: «О женщина, всегда люби меня, Корми и хлебом, и слезами...»).

В одном стихотворении поэт восклицает: «Пустое поле — вот поэт! О научить так и мне бы Разливы полноводных лет Переливать из сердца в небо». В частности, отдельно стихотворение не вызывает возражений, но в общем настрое книги оно получает своеобразную окраску. «Пустое поле» — это тоже «башня» для «высокого созерцания». Есть в книге хорошее стихотворение «Диоген» — «А Диоген остался в бочке. И умер в ней». Так вот хочется предостеречь Л. Андреева его же словами: «Не подражай причудам грека...»

Претензия наша к книге «Камертон» серьезна, но все-таки... — А все-таки Л. Андреев — поэт сильной творческой потенции, мыслящий широко, метафорическая концентрация мысли и чувства высокая. Вот он пишет о весеннем паводке (начало паводка): казалось бы, все предвещало весьма милую, но больше, картинку, но вдруг — «И в отдаленье лес стонет Подобьем Ноева ковчега» — и мысль наша уходит далеко за грань стихотворения. Или вот «у заснувшей мерцает реки» ночной поселок: «Вереницы цепочки и точки Протянулись, в воде отразясь» — и совершенно неожиданный «ход» — «Словно самые лучшие строчки Из стихов, что напишут о нас». Какая неожиданная глубина содержания! Мысль на поэму, а у Андреева всего две строфы.

Естественно, когда освоил, вернее, при-
вык к метафорическому характеру поэти-
ческого мышления, то острее восприни-
мается малейшая зыбкость метафорических
сцеплений, ассоциаций. Вот стихотворение
«Береза». Казалось бы, прекрасно напи-
сано:

Наклонилась, согнулась уныло
С грустью светлой о чем-то родном...
Ей бы тихо стоять над могилой,
А она у меня под окном.

Подобное у другого поэта, может быть,
и не остановило внимания, но написанное
Л. Андреевым оно вызывает недоумение,
ибо русская березка — это образ Родины
в русской поэзии, а не скорби и печали.

В стихотворениях Л. Андреева редко
встретишь случайное, по внешней схоже-
сти выхваченное сравнение, проходную,
«неговорящую» деталь. У него прекрасно
воспитанный, а может быть, и врожден-
ный вкус или, пользуясь термином Е. Ви-
нокурова, прекрасная «культура ощу-
щений». И сам поэт точно выразил свой
творческий принцип: «И не в поверхностной
отделке — В артезианской глубине
Лежит значенье слов отдельных О жизни
и насущном дне». И действительно, стихи
Л. Андреева, по крайней мере лучшие сти-
хи, очень естественны по интонации, без
малейшего признака сделанности, подгонки.

Словарь его стихотворений богат, красо-
чен, слово в строке стоит прочно. Не да-
ром же еще десять лет назад Михаил
Светлов писал о стихах Л. Андреева: «У
него как бы неожиданно появляется вели-
колепное стихотворение, которому позави-
довал бы и зрелый мастер».

Но к этому добавил: «И наряду с этим
совсем плохие стихи». Вот об этом свет-
ловском «но», об издержках тоже прихо-
дится говорить.

Очевидно, вполне естественная издержка
для поэта, тяготеющего к философской ли-
рике, — стихи-абстракции, стихи-схемы, про-
исходящие не из конкретного, лишенные
художественной плоти. Они нужны поэту
более для внутреннего пользования.

И книга «Камертон», наверное, выиграла
бы в цельности, если освободить ее от
подобных стихотворений, в частности,
очень уж схематичны, вычурны, крикливы,
саморекламны вот такие: «В наш век от-
крытий величайших...», «Небо со стороны»,
«Обратная связь», «Принцип отражения»,
«Я, словно тонкая антенна...», «Нет тиши-
ны», «Среди невидимых лучей...», «Стирка
белья». Может быть, меньше надо было
включить «стихов о стихах» с глаголами
в повелительном наклонении.

Есть в книге стихотворения, не отмечен-
ные серьезностью содержания: «Сумерки»,
«Сирень», «Уплывают мои корабли...»,
«Язык природы...», «Детство...».

Встречаются, хотя и весьма редко, огре-
хи стилистические и так далее. А все-таки
книга состоялась — и это главное. «Ка-
мертон» верен главной заповеди поэзии —

эстетической предназначенности, и мы впра-
ве ожидать от Леонида Андреева новых
серьезных книг на благо и радость чита-
телю.

М. АСЛАМОВ

КАК МАНЯЩИЕ ОГНИ...

О гражданской войне на Дальнем Во-
стоке, где борьба за Советы была
особенно затажной и кровавой, склады-
вается своя художественная летопись. На-
чиная с книг А. Фадеева, ставших нашей
классикой, она пополняется все новыми и
новыми произведениями. Писатели-дальне-
восточники стараются высветить еще не
отраженные участки борьбы, приблизить к
нам действительные или обобщенные об-
разы борцов за народную власть.

Молодого благовецкого автора Бори-
са Машука, например, заинтересовала ма-
лоразработанная тема о зарождении пар-
тизанского движения на Верхнем Амуре,
колоритная личность разведчика Герки Ру-
лева. Его произведение — повесть «Спо-
лохи»¹ в сокращенном варианте была опу-
бликована в альманахе «Дальневосточные
приключения» № 1, а сейчас вышла от-
дельным изданием.

Эта повесть носит документальный ха-
рактер. Она основана на архивных дан-
ных, письмах и воспоминаниях соратников
Рулева. Автор предстает перед нами и как
художник, и как историк-исследователь.
По крупицам собирал Борис Машук све-
дения о своем герое. Его Герка Рулев, не-
смотря на молодость, человек исключитель-
ной отваги и воли.

На его примере мы видим, как пафос
революционной борьбы пробудил в моло-
дом рабочем лучшие стороны его нату-
ры — энтузиазм, кипучую энергию, бес-
предельную преданность интересам тру-
дящихся.

Вначале Герка проявлял своеволие, но
крепкая рука командира Кропотова умело
направляла его действия. Кропотков дове-
ряет ему командовать отдельной группой
подрывников. Ответственность не только за
свои действия, но и за товарищей повы-
шает у Герки чувство ответственности, дис-
циплину.

*Борис Машук стремится показать свое-
го героя всесторонне — как бойца, чело-

¹ Б. А. Машук. Сполохи. Повесть.
Хабаровск, Кн. изд., 1971, 238 с. Тираж 100 000 экз. Цена 52 коп.